

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Э.А. ПАИН

Исламизм: социально-политическая сущность и новые угрозы для России*

Сущность исламизма, одной из важнейших глобальных проблем нашего времени, все еще мало изучена, толкуется по-разному и весьма противоречиво. Вызывает дискуссии взаимосвязь исламизма с исламом как религией, с одной стороны, и с политикой – с другой. В последнем случае не совсем ясно, с каким именно типом политических течений связан этот феномен. Еще меньше определенности в вопросе о том, каковы конкретные проявления этой глобальной угрозы в разных регионах мира. Разумеется, нас в этом отношении в наибольшей мере интересует Россия и ее регионы. В данной статье рассматриваются существующие и возможные подходы к решению поставленных теоретических вопросов.

Ключевые слова: ислам, исламизм, джихад, джихадизм, тоталитаризм, терроризм.

Ислам и исламизм

Что же такое исламизм и как его трактовать? Авторитетнейший в этом вопросе эксперт – сирийский политический философ С. Аль-Азм (почетный профессор Дамасского университета и приглашенный профессор Принстонского университета) выделил несколько важнейших признаков исламизма, из которых самым существенным он считает “возрождение понятия исламского *джихада* (священной войны) в его самых насильственных и агрессивных формах” [Al-Azm 2010, p. 13]. С этих позиций уместно в качестве синонима исламизма использовать термин “джихадизм”. Среди других характеристик исламизма (джихадизма) сирийский эксперт называет следующие:

– **фундаментализм** – возвращение к традиционным основам ислама; этот признак также называют салафизмом, поскольку “*салафия*” означает “возвращение” к пониманию ислама в том виде, в котором он существовал при Пророке Мухаммеде, точнее – к утраченным канонам некоего “золотого века” в исламе¹;

* Статья подготовлена в рамках научной работы по гранту Российского Научного фонда № 15-18-00064.

¹ Помимо фундаментализма Аль-Азм приводит еще одну, похожую характеристику – *revivalism* (возрожденчество), однако большинство комментаторов, как и я, считают эту характеристику излишней.

– **интегрализм** – объединение всех сфер жизни общества и государства на религиозных исламских основах. Я бы назвал этот признак иначе – **тоталитаризм**, поскольку он предполагает полное подчинение человеческой жизни религии (в данном случае исламской) и, по сути, означает запрет на инакомыслие;

– **теократизм** – вытеснение светской власти религиозным правлением;

– **теономизм** – буквально “главенство законов Господа”, вытеснение светского права религиозным (“*шариатом*”);

– **терроризм** как основное средство достижения политических целей.

Эти оценки Аль-Азма широко цитируются (они представлены во множестве справочных изданий по исламизму) и, на удивление, мало оспариваются в кругу исследователей (разве что уточняются и дополняются). Размежевание между экспертами проявляется в другом – в определении характера связи между исламизмом и исламской религией. Вот по этому вопросу можно выделить, как минимум, три разных позиции.

1. *Исламизм – органическая и естественная часть ислама.* Такой точки зрения придерживается, например, А. Малащенко. Известный российский исследователь полагает, что “исламский радикализм – это часть исламской политической культуры и исламской истории” [Малащенко 2015]. По его мнению, ислам зародился как политическое учение: Мухаммед был не учителем, а политиком и воином, и он приспособил Библию, идеи иудаизма и христианства под политические цели мобилизации арабских племен Аравии VII в. н.э. Не случайно в различных разделах Корана можно найти обоснование джихада и различного рода военных действий против врагов. Такого же мнения придерживался и другой, не менее именитый специалист по исламу – Ж. Кепель. В его известной книге “Джихад” доказывается, что этот концепт – ключевой для всего ислама [Кепель 2002].

Однако данная точка зрения встречает серьезные возражения, особенно, на Западе, базовые ценности которого не допускают определения какой-либо из мировых религий как заведомо агрессивной и радикально политизированной. Да и сравнительный исторический анализ не позволяет оценивать ислам как более воинственную или политизированную религию, чем, например, христианство времен Крестовых походов, расцвета инквизиции или войн католиков с протестантами.

2. *Исламизм – искажение ислама как мировой религии.* Это самая распространенная версия в оценках исламизма (джихадизма), который противопоставляется основному “ядру” исламской религии. Французский политолог Т. Вольтон, автор книги-бестселлера “Четвертая мировая война”, посвященной исламизму, объясняет: “Необходимо отличать ислам от исламизма... Это, если хотите, вырождение ислама, его деградация” [Вольтон 2006]. Подобные утверждения могут быть подкреплены рядом аргументов.

Во-первых, исламизм весьма избирательно относится к исламу, вырывая из этого религиозного учения лишь отдельные фрагменты, прежде всего наиболее политизированные, такие как идея джихада. Во-вторых, исламизм – явление маргинальное для сообщества мусульман в целом. Он не выражает доминирующие настроения мусульманского населения ни в одной из стран современного мира. Так, по данным французского социолога и востоковеда, исламские радикалы во Франции составляют менее 10% французских мусульман, исламисты не включены в традиционные квартальные общины, не посещают традиционные мечети и создают свои узкие, замкнутые группы общения [Roy 2015].

В-третьих, исламисты, провозглашающие принцип фундаментализма (возвращения к основам истинной веры), в действительности порывают с традицией. Прекрасный пример тому – партия, которая называлась “Нация ислама”. Она возникла в 1930-х гг. в США, но стала массовой в 1950–1960-е гг., когда социальные проблемы афроамериканского населения привели к разным выражениям протеста, в том числе и в форме массового перехода этой части американцев из протестантизма в ислам. Но какой это был ислам? М. Икс, один из лидеров этой партии – ее лицо на протяжении 11 лет, начиная с 1952 г., – в конце своей карьеры говорил, что программа “Нации ислама” фактически к исламу не имела отношения, поскольку в ней были неорганично перемешаны разные

идеи, заимствованные из разнообразных религиозных, философских и политических доктрин [Handler, Malcolm 1964]. “Нация ислама” – типичный пример так называемой “изобретенной традиции”, или новации, которая по тем или иным причинам выдает себя за традицию.

Для ислама исторически была характерна высокая терпимость не только к разным течениям внутри своей религии, но и к другим религиям (напомню о Софии, еврейской жене Мухаммеда, о его уставе Медине, в котором предусматривались равные гражданские права для представителей разных религий, и о том факте, что религиозные и культурные памятники иудаизма в исламском мире сохранились лучше, чем в средневековом христианском). В этом отношении террористическое движение “Исламское государство” (ИГ, ранее именовавшее себя ИГИЛ, запрещенное в России) демонстрирует радикальный разрыв с исламской традицией и не признает в качестве правоверных носителей ислама значительную часть исламских течений (шиитов, алавитов, ваххабитов, исмаилитов и многих других), называя их “*мунафиками*” (ложными мусульманами), а неисламское население, презрительно именуемое “*кяфирами*” (неверными), боевики ИГ на контролируемых ими территориях просто истребляют. При захвате Мосула в июне 2014 г. отряды ИГ не только уничтожили тысячи мирных жителей, но и устраивали костры из книг, а в феврале 2015 г. взорвали городскую библиотеку, являющуюся памятником исламской культуры и, в какой-то мере, исламского халифата, поскольку она была создана во времена Османской Империи – последнего реально существовавшего мирового халифата. Это может показаться удивительным для движения, цель которого – возрождение халифата, но тут мы видим кажущийся парадокс, имеющий рациональное объяснение: все чуждое доктрине исламистов для них не ценность, а символ враждебной культуры. Все это характерно для идеологии тоталитаризма, считающей враждебным любую инаковость. И здесь мы подходим еще к одной версии взаимосвязи исламизма и ислама.

3. Исламизм – не религия, а политическая идеология, лишь прикрывающаяся религией и эксплуатирующая авторитет ислама для целей массовой политической мобилизации. Любопытно, что такой взгляд на исламизм характерен не только для светских политологов и социологов (преимущественно западных), но и для части исламских богословов. Х. Дюран – теолог, профессор богословия из университета Филадельфии, писал, что исламизм – это реинкарнация фашизма и коммунизма, не являющаяся религией, а лишь использующая ее облик для собственных политических целей [Durán 2000, pp. 3–12]. Ныне это популярная точка зрения, которую разделяют многие эксперты и политики, например известный американский историк Д. Пайпс [Pipes 2002]. А после теракта 11 сентября 2001 г. данную позицию поддержал и президент США Дж. Буш-младший, объявивший исламистов наследниками “нацистов, фашистов, коммунистов и других тоталитарных сил XX века” [Буш 2006].

Мы еще вернемся к детальному анализу тезиса о тождестве между исламизмом и тоталитаризмом. Пока отмечу лишь, что такие отождествления часто сопровождаются радикальным противопоставлением исламизма как политического явления исламу как религии. На мой взгляд, эта антитеза некорректна, и связь между религией и исламизмом в той или иной мере существует. Можно утверждать, что современный ислам, по крайней мере, создал некоторые предпосылки для появления исламизма. В исламе сложился и до сих пор успешно функционирует свод религиозных правовых норм (шариат), который в ряде исламских регионов более значим, чем светская система права, и это само по себе создает иллюзию возможности вытеснения светского права религиозным. Ни одна мировая религия не создала специфическую религиозную экономику, а “исламская экономка” появилась (пусть и недавно, лишь в середине XX в.). Эта экономика не может конкурировать с классической, светской, рыночной, но иллюзию вытеснения светского правления религиозным она укрепляет [Паин 2013, с. 25–31].

На мой взгляд, появление исламизма связано **не столько с давней, глубинной исторической природой ислама, сколько с актуальными обстоятельствами современной жизни исламских стран**, большая часть которых так и не сложились как

государства-нации и представляют собой конгломераты недружественных этнических, племенных и конфессиональных групп. Относительная стабильность в таких государствах поддерживалась жестокими диктаторскими режимами (такими, как режим С. Хусейна в Ираке, Зин Бен-Али в Тунисе или М. Каддафи в Ливии), усилиями армии (как в Пакистане, Индонезии и в современном Египте), а также во всех случаях при помощи конструирования образа внешнего врага. Именно этот образ постоянно воспроизводил спрос на идею джихада, с которой связано появление исламизма (джихадизма). Не только исламизм как идейно-политическое движение, но и ислам как религия противостояли появлению политических наций в большинстве исламских государств после обретения ими независимости в XX в. [Cleveland, Bunton 2009]. Ислам в этих странах успешно конкурировал с национализмом, подменяя идею нации идеей исламской уммы (общины). Из крупных государств, в которых доминирует ислам суннитского толка, лишь в Турции сложилась политическая нация, но произошло это во многом потому, что М. Кемаль (Ататюрк) навязал этот конструкт туркам в острейшей борьбе с исламской теократией [Eisenstadt 1984, pp. 3–16]. Ататюрк сознательно разрушил институты последнего исламского халифата, возглавляемого на протяжении нескольких веков султанами Османской империи.

Кстати, замечу, что одна из центральных идей исламизма, идея возрождения халифата, ныне разрушается изнутри как раз тем самым образом врага, который во многом сам породил исламизм; таким образом, мировое сообщество сталкивается сразу с несколькими взаимно непримиримыми течениями исламизма. В 2015 г. в Сирии насмерть сражаются между собой, с одной стороны, исламисты шиитского (проиранского) направления и “Хезболла”, защищающие сирийского президента Б. аль-Асада, и с другой – воюющие с ним группировки суннитских течений исламизма. Но и последние зачастую вступают в военное противостояние друг с другом. Так, суннитская джихадистская организация al Nusra, отколовшаяся от более известной мировой террористической сети al Qaeda, воюет на два фронта – как с армией аль-Асада, так и с войсками суннитских же исламистов ИГ. Это данные исходят от хорошо осведомленного источника – американского генерала [Petraeus 2015].

Оценивая представленные версии взаимосвязи ислама и исламизма, я в очередной раз убеждаюсь, что истина как всегда находится где-то между крайними позициями. С одной стороны, джихадизм, разумеется, не является заурядным и естественным проявлением ислама. Это радикальное политическое течение возникло во многом под влиянием внешних по отношению к исламу образцов и было целенаправленно разогрето политическими антрепренерами. Но все же, с другой стороны, исламизм не оторван полностью от ислама. Именно поэтому он хорошо и умело цепляется за реальные свойства данной религии, особенно в ее нынешнем состоянии. Так или иначе, рассмотрение исламизма одновременно в религиозно-ведческой и в политологической перспективе расширяет горизонт понимания сути этого явления и дает больше возможностей для прогнозов его эволюции.

С каким типом политических движений может быть отождествлен исламизм?

Этот вопрос стал особенно актуальным уже в конце 1970-х гг., сразу после победы исламской революции и установления теократической диктатуры в Иране. Тогда для обозначения этого политического режима некоторыми публицистами был введен в употребление термин “исламофашизм”. Однако популярность данного выражения пришла на более поздние годы. Так, после событий 11 сентября 2001 г. Ф. Фукуяма назвал борьбу с терроризмом “борьбой с исламофашизмом” [Fukuyama 2002]. Через четырнадцать лет вооруженное нападение на редакцию сатирического журнала “Шарли Эбдо” в Париже (7 января 2015 г.) не только оживило этот термин, но и превратило его в клише, которое заполонило медиа-пространство разных стран мира.

Сегодня понятие “фашизм” совсем затерлось и обесценилось от частого и бессмысленного тиражирования. Его используют во всех случаях, когда хотят оскорбительно обозначить некий политический режим, который по какой-либо причине не нравится тем или иным политическим силам. Между тем это вполне определенное историческое явление, основу которого составляет радикальный этнический национализм, и уже поэтому он неприменим к исламу, появившемуся в обществах донационального типа, в которых национализм не мог играть роль мобилизующего фактора². И как раз в этих условиях возникло естественное стремление оппозиционно настроенных к авторитарным режимам интеллектуалов и политтехнологов опереться на другие мобилизационные основания, и прежде всего на ислам.

Тоталитаризм – более адекватная, чем “исламофашизм”, номинация политической сущности исламизма. Еще в конце 1930-х гг. Б. Льюис, выдающийся востоковед и историк ислама, обратил внимание на то, что идеи Х. аль-Банна, основателя движения “Братья мусульмане” и одного из первых теоретиков исламизма, не просто родились одновременно с другими тоталитарными идеологиями XX в. (конец 1920-х гг.), но и во многом повторяли их базовые ценности: антизападничество³, антилиберализм, антииндивидуализм. Позднее, в 1950–1960-е гг., идеологи исламизма, такие как С. Кутб, напрямую заимствовали идеи у идеологов тоталитарной теоретической мысли – как нацизма, так и марксизма-ленинизма. Исследования авторитетных исламоведов показали не только идейные, но и текстологические заимствования из марксизма и нацизма в программных документах партии “Братья мусульмане” и в теоретических работах ее идейного лидера Кутба, связанные как с критикой капитализма и представительной демократии, так и с созданием утопии построения унифицированного социального организма, управляемого единой партией [Carré 1984, pp. 14, 206–207]. Все это прямо указывает на существующую генетическую связь между исламизмом и другими формами тоталитарных идеологий.

Всем разновидностям тоталитаризма присущ мистический фатализм в отношении к человеческой истории – представление о некой предопределенности судеб мира. Главное же в том, что все ветви тоталитаризма признавали необходимость: во-первых, тотального контроля над человеком, во-вторых, “создания нового человека” – полноценного (истинного) адепта идеи (“истинного арийца”, “истинного большевика”, “истинного мусульманина” и т.п.).

Помимо идеологической составляющей, тоталитаризм – это еще и политический режим, осуществляющий полный (тотальный) контроль над обществом и человеком. Однако можно ли назвать исламизм политическим режимом? За исключением Ирана после 1979 г., Исламского Эмирата Афганистан (ограничено признанного государства в период правления талибов 1996–2001 гг.) и ряда непризнанных территориальных образований (самое большое из которых на сегодняшний день – “Исламское государство”), исламизм нигде не приходил к государственной власти и не устанавливал теократического режима⁴. В основном речь идет об исламистских **партиях и движениях**, борющихся за власть и создание теократических государств (“Братья-мусульмане” в Египте, “Джамаат-и-Ислами” в Пакистане, “Хезболла” в Ливане, “ХАМАС” в Палестине и др.). Поэтому об исламизме, в основном, можно говорить лишь как о **разновидности тоталитарной идеологии**.

---

² Можно назвать и другие черты, отличающие фашизм от исламизма и так или иначе связанные с образом нации: романтический консерватизм, холизм, социальный дарвинизм, антикоммунизм. Всего этого нет в исламизме.

³ Разумеется, тоталитарные идеологии Италии и Германии в начале XX в. нельзя назвать антизападными в полной мере (уже потому, что они были созданы на Западе), но в них было заметно выражено противопоставление своих стран “другой Европе” (Франции и Англии). Эти мотивы в идеологии исламизма превратились в тотальное антизападничество, даже более радикальное, чем в идеологии коммунизма.

⁴ Этому выводу не противоречит пример М. Мурси – президента Египта с 30 июня 2012 г. по 3 июля 2013 г. Он, хотя и был представителем исламистского движения, теократический режим установить не успел, да и полноценной властью не обладал, поэтому и был быстро свергнут собственными подчиненными – военными.

Теория тоталитаризма до сих пор в значительной мере не разработана, существуют лишь разнородные концепции этого явления, имеющие множество недостатков с точки зрения требований, предъявляемых к теоретическим построениям. Назову лишь два из них. Во-первых, все эти концепции носят описательный характер, они были созданы для обобщения существовавших эмпирических фактов и плохо приспособлены для прогнозирования. К тому же тот факт, что в классических схемах тоталитаризм рассматривается исключительно как преходящий феномен, как нечто, имеющее более-менее однозначное начало и конец (например, 1933–1945 гг. для Германии, 1929–1953 гг. для СССР), привел к отсутствию какого-либо внимания к последствиям тоталитарных режимов и идеологий: возможность их рецидивов совершенно не учитывалась.

Во-вторых, данные концепции односторонне и узко трактовали даже имеющийся эмпирический материал, связывая тоталитаризм главным образом с репрессиями. В самой популярной и авторитетной из таких концепций, изложенной Х. Арндт в ее книге “Истоки тоталитаризма” (1951 г.), основное внимание уделено репрессивному государству и беспрецедентному насилию, связанному с Холокостом и ГУЛАГом. Арндт даже итальянский фашизм не относила к тоталитаризму в силу его, фашизма, недостаточной репрессивности, хотя сам термин “тоталитаризм” появился как раз в 1920-е гг. для характеристики именно режима Б. Муссолини. Последний, кстати, и сам активно пропагандировал концепт “тоталитарного государства”.

Важные уточнения в концепцию тоталитаризма внес Х. Линц. В своем эссе “Тоталитарные и авторитарные режимы” (1975 г.) он утверждал, что квалифицирующим признаком тоталитаризма является не государственный террор сам по себе, а стремление государства к тотальному контролю за всеми сферами и аспектами жизни людей. Однако эмпирический материал, которым располагал Линц, показывал, что осуществить такой контроль над обществом, гарантированно не допускающий открытого инакомыслия и возникновения оппозиции, было невозможно без широкомасштабного террора. Прошло время, и опыт ряда стран, в том числе и современной России, дал примеры эффективного подавления оппозиции и обеспечения тотального и сервильного единomyслия в обществе без применения массовых репрессий, всего лишь за счет новых информационных технологий, новых форм манипуляции массовым сознанием. Впрочем, и во времена существования классических тоталитарных режимов (1920-е–1950-е гг.), правление несменяемых в течение десятилетий диктаторов-вождей было обусловлено **не только репрессиями**. Как справедливо отмечает Т. Вольтон, “Муссолини долго был героем для большинства итальянцев, Гитлеру удалось вовлечь немцев в войну, миллионы советских людей оплакивали смерть Сталина, многие китайцы до сих пор скорбят по Мао...” [Wolton 2006]. “Культ вождя”, граничащий с сакрализацией его фигуры, опирался прежде всего на массовую фанатичную преданность подданных, на “магию тоталитаризма”.

Помимо “культа вождя”, важнейшую роль в идеологии и практике тоталитаризма играют массовые надежды, по сути обожествление некой **политической утопии**: “всемирного рейха”, “всемирного халифата” или “интернационального союза пролетариев-коммунистов”. Во всех случаях атомизированный, неустроенный человек, проигравший социальное соревнование, окрыляется связью с великим вождем и великой идеей, получая возможность почувствовать себя уверенней как часть некоего великого сообщества: “арийской расы”, “исламской уммы”, “мирового пролетариата” и др.

Итак, отдавая себе отчет в том, что теория тоталитаризма несовершенна и не сложилась в полной мере, я полагаю, что именно эта система идей лучше характеризует социально-политическую сущность исламизма, чем другие имеющиеся ныне концепции. При этом теория тоталитаризма хорошо увязывается с этапами эволюции исламизма. Как уже отмечалось, исламизм зарождался в 1920–1930-е гг. одновременно с другими тоталитарными идеологиями и под их влиянием. Он креп в постколониальный период середины XX в., заимствуя и в чем-то даже копируя идеи более развитых тоталитарных доктрин. И в дальнейшем связь различных течений тоталитаризма хорошо проявлялась,

особенно в периоды кризисов, поскольку именно это время рождает спрос на тоталитарную идеологию. Примером тому – Иран.

В 1970-х гг. форсированная, скачкообразная и крайне непоследовательная модернизация, предпринятая шахом Ирана М. Р. Пехлеви (так называемая “белая революция”), разрушила традиционный уклад жизни в этой стране, не создав полноценный новый. Сотни тысяч людей были вытолкнуты из деревни, но при этом не смогли адаптироваться к городской среде. Безудержная коррупция и произвол иранских властей привели к разочарованию не просто во власти шаха, но и в светской власти в целом. Традиционалистская пропаганда, центрами которой стали мечети, давала свою интерпретацию этих проблем, трактуя их как нашествие чуждого для персов западного образа жизни. Реальные проблемы оказались предметом эксплуатации исламистов, предлагавших утопический выход тем, кто чувствовали себя сломленными и дезориентированными стремительной и крайне болезненной модернизацией. К аналогичным последствиям в начале 2000-х гг. привели форсированные смены диктаторских режимов в Афганистане, Ираке, Египте и Ливии. Во всех названных случаях исламизм, по оценке Вольтона, эксплуатируя проблему разрушения традиционных обществ, предлагал создать утопическую всемирную исламскую общину (умму), точно так же, как коммунизм провозглашал мировой интернационал, а нацизм – тысячелетнюю империю.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. кризис доверия к модернизации, светской власти и западному образу жизни затронул значительную часть выходцев из мусульманских стран, поселившихся в странах Европы и Америки. Этому способствовало множество обстоятельств, которые я не имею возможности даже перечислить. Назову лишь некоторые из них.

“Эффект третьего поколения”. Элиты развитых стран мира сильно переоценивали возможности своих стран в адаптации мигрантов в результате их обвальная, массовой иммиграции в Европу и Америку из регионов с радикально иными культурными нормами, чем у принимающего населения. Они не учли действие закона “третьего поколения”, открытого М. Л. Хансеном в 1939 г. Один из выводов этого закона гласит, что в эмигрантских сообществах, плохо адаптировавшихся к новым условиям, внуки эмигрантов пытаются “вспомнить” то, что старались забыть их отцы и деды. Третье поколение не стремится во что бы то ни стало освоить нормы модерна, а демонстрирует повышенный интерес к традициям родины или религии предков. Неадаптированная личность пытается компенсировать свою неустроенность идеей принадлежности к иной культуре, якобы более развитой и духовной, чем у принимающего сообщества. Эта мифология приводит к росту традиционализма, как правило, искусственного, выражающегося в приверженности не к автохтонным, а “изобретенным” традициям. В среде стихийных неотрадиционалистов находят своих адептов многочисленные группировки религиозных и политических радикалов, в том числе и группы исламистов.

“Дефекты мультикультурализма”. Политика мультикультурализма, а фактически политика поддержки раздельного сосуществования различных общин, создала условия для роста традиционализма в диаспоральных группах и при этом предоставила лидерам территориальных и религиозных общин в странах Европы возможности почти монопольного влияния на эти группы. Такая политика препятствовала интеграции мигрантов в структуру политических наций государств Европы, однако ее негативные последствия не сразу были осознаны. Лишь во второй декаде 2000-х гг. политики ведущих европейских стран забили тревогу. В 2010–2011 гг. лидеры Германии, Франции и Великобритании выступили с заявлениями, суть которых сводилась к тому, что правительства указанных государств, сохраняя приверженность культурному многообразию, намерены противодействовать тем сторонам политики мультикультурализма, которые приводят к эрозии национальных государств, к их расколу на отдельные этнические и религиозные общины (http://www.bbc.com/russian/international/2010/10/101016_merkel_multiculturalism_failed.shtml). Д. Кэмерон в своей речи упомянул авторитетное социологическое исследование, которое показало, что около трети британских мусульман – граждан Соединенного Королевства, не причисляют

себя к британскому сообществу, идентифицируя себя со всемирной исламской уммой (<http://lenta.ru/articles/2011/02/07/cameron/>). Именно эта категория мусульман стала питательной средой исламистов.

“Конфликт поколений” и “бунт исламской молодежи”. Оба эти явления отчетливо проявились в 1990-х – начале 2000-х гг. С одной стороны, в среде исламских богословов стало усиливаться влияние молодых радикалов-салафитов, которые выступали против традиционных улемов, знатоков исламского закона, предлагая новые, более политизированные трактовки ислама под видом возвращения к его истокам. С другой стороны, в быту молодежь все чаще решалась на протест против традиционной тирании старейшин под легитимным для исламского мира предлогом – объявляя себя носителями “истинного ислама”.

Нынешняя экспансия исламизма – своеобразный ответ на глобализацию и одновременно вызов глобализации. В какой-то мере это компенсатор неудачи модернизации-вестернизации на Ближнем Востоке и в ряде других регионов исламского мира. Это ответ на насаждаемые в данных регионах во времена холодной войны западные модели капитализма и советские модели социализма, которые не очень прижились в мусульманских обществах. Подъем исламизма – фактическая демодернизация, деконструкция всевозможных проявлений индивидуализма, тенденций к эмансипации, к верховенству закона. При этом какие-то фрагменты модернизационных тенденций поддерживаются и исламистами, например, в Иране. Все это напоминает другие тоталитарные доктрины, включая советскую, которая сочетала стремление к модернизации своей промышленности и особенно военной сферы с архаикой в идеологии. Сегодня исламизм – глобальная проблема, но она не одинаково проявляется в разных регионах и странах мира.

Джихадизм – новые угрозы

По данным ряда специальных исследований, Россия к 2010 г. входила в десятку стран мира с самым большим количеством террористических актов и в тройку лидеров по числу жертв террора [Белозеров, Супрунчук 2012]. Это список открывал Ирак – здесь от рук террористов погибло 72 519 человек, в Пакистане – 14 150, а в России ненамного меньше – 13 601 человек. В Афганистане, который занимал четвертую строчку в этом списке, людские потери от терроризма более чем в два раза ниже, чем в России. К концу 2014 г. наша страна немного отодвинулась в этом списке, заняв 11-е место⁵. Отчасти причиной тому было некоторое снижение террористической активности внутри страны, и мы еще обсудим это явление, но в большей мере указанный сдвиг стал следствием радикального подъема терроризма в ряде других стран, прежде всего в Сирии и в Ираке.

В России основными зонами действия терроризма остаются республики Северного Кавказа. Следующую географическую зону по числу потерь представляют российские регионы, граничащие с республиками Северного Кавказа или расположенные недалеко от этой границы, – Ставропольский край, Астраханская и Волгоградская области, а также Москва [Белозеров, Супрунчук 2012]. В 2000-е гг., во всех случаях, когда исполнители терактов были однозначно идентифицированы, выяснялось, что они связывали свои действия с лозунгами джихада.

Развитие джихадизма в России и, прежде всего, на Северном Кавказе прошло, на мой взгляд, три стадии. На *первой стадии* (1990-е гг.) идея “джихада” была в тени этнического национализма и сепаратизма – основного мобилизационного двигателя терроризма на Северном Кавказе, и прежде всего чеченских вооруженных формирований. Первые лидеры чеченского сепаратизма Д. Дудаев и особенно А. Масхадов активно противодействовали распространению салафизма-исламизма в Чечне, подчеркивая национальный, а не религиозный характер борьбы за государственную независимость Чеченской республики. Однако постепенно джихадизм вытеснял национализм

---

⁵ См. подробнее: Индекс Глобального Терроризма 2014 (Global Terrorism Index 2014). Режим доступа: http://www.visionofhumanity.org/sites/default/files/Global%20Terrorism%20Index%20Report%202014_0.pdf.

в качестве основы сплочения чеченских боевиков и при Д. Умарове, принявшем на себя 17 июня 2006 г. обязанности нелегального президента подпольной республики Ичкерия, стал преобладающим. Это было начало нового этапа в развитии исламизма в северокавказском регионе.

Вторая стадия джихадизма связана с тем, что он стал правящей идеологией “Имарата Кавказ” (полное наименование – “*Исламское государство Имарат Кавказ*”) – самопровозглашенного идейного и территориального образования на Северном Кавказе, признанного террористической организацией в России и США. О его создании объявил Умаров 7 октября 2007 г., провозгласив себя “амиром” (главой) моджахедов Кавказа, “предводителем джихада”. На этой стадии исламизм в регионе вырвался за пределы Чечни и стал опираться на сетевую организационную структуру, охватывающую все республики Северного Кавказа. Впрочем, такая интернационализация поначалу породила множество проблем внутри чеченского террористического движения, которое в начале 2000-х гг. доминировало в северокавказском регионе. Так, в 2010 г. несколько полевых командиров чеченского сектора Имарата заявили о выходе из-под присяги Умарову. Однако постепенно интернационализм джихада становился все более привычным. Отчасти это было связано с перемещением зоны активности из Чечни в Дагестан, возглавивший с начала 2000-х гг. список регионов России с самым большим количеством терактов и наибольшим же числом их жертв. Дагестан исторически был центром ислама на Северном Кавказе, а также самой религиозной республикой региона. В частности, это способствовало укреплению легитимности исламизма как доминирующей идеологии террористических отрядов в Дагестане.

После ликвидации Умарова российскими спецслужбами (январь 2014 г.), Имарат возглавили дагестанцы – А. Кебеков (он же Абу Мухаммад Али ад-Дагистани), а после его устранения (апрель 2015 г.) М. Сулейманов (Абу Усман Гимринский). Однако эти замены не восполнили потери авторитетнейшего Умарова, который по боевым заслугам среди террористов был равен Ш. Басаеву (<http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/32520/?print=true>), а по искусству конспирации, возможно, ему не было равных. Первый глава “Имарата Кавказ” правил им в условиях подполья семь лет, а его приемник прожил на этом посту чуть больше года. Так или иначе, Имарат, который уже с 2012 г. переживал упадок, после смерти своего основателя стал быстро чахнуть и терять авторитет у боевиков. Он постепенно утрачивал и свою роль единой зонтичной структуры для террористических отрядов в регионе. На это место пришла другая организация – неизмеримо более опасная, чем структура, изобретенная Умаровым.

Третья стадия в развитии северокавказского джихадизма связана с тем, что он не только идейно, но и организационно стал составной частью международного, глобального террористического движения. В июне 2015 г. боевики, входящие в структурные подразделения “Имарата Кавказ” (вилайаты Дагестан, Нохчийчо – Чечня или, иначе, Ичкерия, Галгайче – Ингушетия, вилайат Кабарды, Балкарии и Карачая), присягнули лидеру запрещенного в России “Исламского государства” (ИГ) *Абу-Бакру аль Багдади*.

Начался этот процесс раньше. Различные отряды северокавказского джихадизма стали заявлять о присяге ИГ еще в конце 2014 г. Одним из первых, 19 декабря, присягнул лидер дагестанского сектора А.М. Кадарский. За ним аналогичные заявления сделали лидеры боевиков Кабардино-Балкарии, затем Ингушетии и, наконец, 12 июня 2015 г. в Интернете появилась запись выступления командира батальона смертников “Рияд ас-Салихийн” амира Хамзата (А. Бютукаева), который принес присягу от имени всех боевиков Чечни. На мой взгляд, это не случайность, не эпизод, а закономерная трансформация северокавказского террористического подполья, для которого международная сеть ИГ предпочтительнее местного самодельного Имарата во многих отношениях.

Авторитет ИГ в среде мирового исламизма многократно превышает авторитет “Имарата Кавказ”. Декларируемая цель ИГ – создание мирового халифата – обладает психологической притягательностью великой тоталитарной утопии. Кроме того, она более легитимна, понятна и масштабна, чем цели Имарата. Боевые успехи ИГ, воюющего сразу на несколько фронтов, привлекают застоявшихся северокавказских моджахедов

особенно на фоне теряющего инициативу Имарата. Не случайно в рядах ИГ воюют уже несколько тысяч (по разным оценкам от двух до пяти тысяч) российских граждан. Боевые отряды Имарата всегда действовали относительно автономно и дорожили этой автономией. Понятно, что их подчинение заморскому верховному амиру дает полевым командирам больше свободы, чем подчинение местным лидерам “Имарата Кавказ”, а также ослабляет проблему межэтнических противоречий, нараставших в Имарате. Национальная гордость сильно мешала чеченцам подчиняться дагестанскому амиру, а дагестанцам – чеченскому. Иное дело арабы: с ними не связаны давние исторические предрассудки, накопившиеся между этническими группами Северного Кавказа; напротив, арабы всегда пользовались большим уважением как народ, принесший ислам на Кавказ, и опыт Чеченской войны это подтвердил. Хаттаб, самый известный арабский полевой командир в чеченской интифаде, с середины 1990-х гг. и до своей гибели в 2002 г. воспринимался среди джихадистов региона как герой, как исламский Че Гевара.

Какие угрозы для России таит в себе включение северокавказского террористического подполья в сетевую структуру ИГ? 30 сентября 2015 г. Российская Федерация вступила в войну на Ближнем Востоке и объявила о бомбардировке позиций террористической организации ИГ. Правда, почти сразу же в западных медиа появились сообщения о том, что были атакованы вовсе не террористы ИГ, а силы сирийской оппозиции, противостоящие президенту Б. аль-Асаду (<http://www.svoboda.org/content/article/27281155.html>). Оценка достоверности данной информации не входит в задачу моей статьи. Так или иначе, война ИГ Россией объявлена, и теперь лидерам военных группировок, присягнувших ИГ, нужно выполнять священную клятву – скорее всего, через активизацию террористической деятельности в России.

Военные действия России в Сирии могут оживить помощь исламским радикалам на Северном Кавказе и со стороны стран – лидеров суннитского фронта в Сирии, а именно Турции и Саудовской Аравии, которые в годы первой Чеченской войны 1994–1996 гг. активно помогали чеченским инсургентам, но затем прекратили эту помощь, добиваясь хороших отношений с Россией. Ныне же, когда Россия в Сирии фактически вошла в коалицию с шиитской стороной конфликта – со злейшими врагами указанных стран, ответом может стать их тайная помощь северокавказским, суннитским джихадистам. Все это, на мой взгляд, может оживить террористическую активность на Северном Кавказе, перевесив те факторы, которые какое-то время подавляли активность террористов. Как известно, она существенно снизилась в России в 2012–2015 гг. в сравнении с предыдущими годами (<http://scienceport.ru/news/patrushev-terrorizm-na-severnom-kavkaze-vpervye-za-gody-stal-snizhatsya/>). Однако этот спад был вызван недолговечными, преходящими обстоятельствами. Вот лишь некоторые из них:

1. Беспрецедентная силовая санация террористических зон в регионе, начатая в ходе подготовки к Олимпиаде в Сочи 2014 г. и продолжавшаяся в последующие годы, позволила не только выбить верхушку Имарата, но и ликвидировать многие ключевые фигуры среди полевых командиров. Однако силовые операции федеральных сил имеют и иные последствия. Например, они порождают новых мстителей среди местного северокавказского населения. Пока молодые боевики не обучены и не могут сразу заместить убитых опытных командиров, но опыт – дело наживное. Кроме того, возможности силового решения проблем джихадизма ограничены и в других отношениях. У федеральных вооруженных сил резервы не беспредельны, особенно ныне, когда они нужны не только на Северном Кавказе, но и в не столь отдаленных от него регионах юга России, граничащих с Украиной, а в последнее время и в Сирии.

2. Отток нескольких тысяч молодых радикалов на войну в Сирию понизил активность боевиков на Северном Кавказе, однако часть таких моджахедов, несомненно, вернется на родину, принеся с собой как боевой опыт, которого не хватает местным новобранцами, так и опыт беспрецедентной жестокости, освоенный в рядах ИГ. В случае военных неудач ИГ, численность возвращающихся из его рядов будет существенной. Более того, вполне вероятно, что в этом случае Северный Кавказ станет зоной транзита

и для других солдат джихада, ведь тропы уже проложены и вся логистика переходов в регионе хорошо отлажена, а потому перекрыть такой транзит будет очень сложно.

3. Временное снижение активности северокавказских террористов было связано с эрозией самой структуры “Имарата Кавказ”, ослаблением руководства и целевых ориентиров боевых действий. Переход под эгиду ИГ, вероятно, укрепит идейно-организационные основы активности северокавказского джихада. Пропагандистскую поддержку кавказским террористам лидеры ИГ уже оказывают. Еще в 2014 г. в Интернете распространялось видеообращение ИГ с угрозами в адрес президента В. Путина (ему сулили свержение, “падение трона”) и с обещанием принять участие в “освобождении Чечни и всего Кавказа”. На это стоит обратить внимание ныне, когда ИГ стало действовать в России через присягнувшие ему отряды северокавказских террористов.

4. Нарастающий в России экономический кризис представляет собой наибольшую угрозу стабильности в регионе, а также является важнейшим и, возможно, долгосрочным фактором оживления исламизма в регионе. Кризис увеличивает социальное недовольство, которое на Северном Кавказе чаще всего быстро трансформируется в исламистские лозунги. Этот регион зависим от бюджетных дотаций больше других в России и поэтому острее других ощущает их нынешнее сокращение. Здесь же у властей нет той психологической прокладки, которая защищает их на большей части территории России вследствие массовой народной благодарности за присоединение Крыма. Исламисты не радуются возвращению русского Севастополя, они больше замечают недовольство крымских татар; северокавказские бизнесмены и чиновники не испытывают особого удовольствия от появления нового субъекта Федерации: они знают, что раньше Северный Кавказ был первым в очереди на получение субсидий из федерального бюджета, а ныне уступил это место Крыму.

По мощи и масштабности вооруженного исламизма Россия уступает только Ближнему Востоку. При этом, как я попытался показать, в России сохраняются и временами даже усиливаются факторы, возбуждающие активность этой враждебной для общественного развития силы. В странах ЕС ситуация в указанном отношении, разумеется, менее острая, чем в России, но и здесь с 2000-х гг. стал весьма заметен рост исламизма. Не случайно из маленькой Бельгии рекрутировано в 100 раз больше боевиков ИГ, чем из Египта (в расчете на численность мусульман в этих странах) [Roy 2015].

* * *

М. Вебер считал расколдовывание мира (*Entzauberung der Welt*) основным содержанием эпохи Модерна и, шире, важнейшей тенденцией в культурном развитии человечества. Глобальная экспансия исламизма – свидетельство обратного процесса, возвращения к магическим, дорациональным формам сознания. Цивилизованное мировое сообщество несет немалую долю ответственности за это. Сегодня оно расплачивается за то, что не берегло достижений модернизации и допустило множество уступок фундаментализму. Однако сон разума не может быть вечным, и, на мой взгляд, ныне западный мир переходит от уступок к наступлению. Практически повсеместно преодолеваются дефекты раздельного существования этнических и религиозных общин; возрождается понимание важности национально-гражданской консолидации и включения в этот процесс культурных меньшинств; растет сплоченность политических кругов западных стран по отношению к угрозам исламизма на Ближнем Востоке, да и к другим внешним угрозам.

В России иная ситуация. Ныне можно говорить не только об отдельных уступках традиционализму и фундаментализму, но уже и о переходе всей культурной политики страны на рельсы фундаментализма. Вместе с тем системный кризис России нарастает, и есть вероятность осознания этого если уж не всем обществом, то хотя бы его элитой, которая, возможно, подтолкнет страну к политической модернизации. Только в этом случае откроется дорога для решения проблемы нейтрализации агрессивного вооруженного исламизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белозеров В. С., Супрунчук И. П. (2012) География терроризма: полномасштабный анализ террористической деятельности. Ставрополь: Изд-во СКФУ.
- Буш Дж. (2006) Об исламском терроризме // Французская газета рассуждает об исламском тоталитаризме (<http://www.newsru.com/religy/07sep2006/totalitarismus.html>).
- Вольтон Т. (2006) Исламизм – это вырождение ислама, его деградация // Известия 24.01.2006 (<http://izvestia.ru/news/310517#ixzz3j4mmPhtK>).
- Малашенко А. (2015) Мы все живем во власти стереотипа, что любая религия – это про мир и добро // Открытая Россия. 10.01.2015 (<https://openrussia.org/post/view/1994>).
- Паин Э. А. (2013) “Исламская экономика”: пример конструирования традиций // TERRA ECONOMICUS. № 2. Pp. 25–31.
- Al-Azm S.J. (2010) “Orientalism, Occidentalism and Islamism: Keynote Address to ‘Orientalism and Fundamentalism in Islamic and Judaic Critique: a Conference Honoring Sadik Al-Azm’” // Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East. No. 1. Pp. 12–13.
- Carré O. (1984) *Mystique et politique. Lecture révolutionnaire du Coran par Sayyid Qutb, Frère musulman radical*. Paris: Éd. du Cerf – Presses de la Fondation nationale des sciences politiques. Pp. 206–207.
- Cleveland, W.L., Bunton M.A. (2009) *History of the Modern Middle East*. Boulder (Colo.): Westview Press.
- Durán Kh. (2000) Muslims and Islamists in America // *L’abbaglio dell’immigrazione*. Rome: Istituto di Formazione per le Scienze Antropologiche. Pp. 27–28.
- Eisenstadt S.N. (1984) *The Kemalist Regime and Modernization: Some Comparative and Analytical Remarks // Atatürk and the Modernization of Turkey*. Boulder (Colo.): Westview Press. Pp. 3–16.
- Fukuyama F. (2002) Fighting the 21st Century Fascists // *Islam Daily*. 05.01.2002 (<http://www.islamdaily.org/en/world-issues/asia-pacific/127.fighting-the-21st-century-fascists.htm>).
- Handler M. S., Malcolm X. (1964) Splits with Muhammad // *The New York Times*. 09.03.
- Hansen C. (1989) Are We Doing Theory Ethnocentrically? A Comparison of Modernization Theory and Kemalism // *Journal of Developing Societies*. No. 2. Pp. 175–187.
- Kepel G. (2002) *Jihad: the Trail of Political Islam*. Cambridge: Belknap Press of Harvard Univ. Press.
- Petraeus D. (2015) Use Al Qaeda Fighters to Beat ISIS // *The Daily Beast*. 31.08 (<http://www.thedailybeast.com/articles/2015/08/31/petraeus-use-al-qaeda-fighters-to-beat-isis.html>).
- Pipes D. (2002) *In the Path of God: Islam and Political Power*. New Jersey: Transaction Books.
- Roy O. (2015) La peur d’une communauté qui n’existe pas // *Le Figaro*. 09.01 (http://www.lemonde.fr/idees/article/2015/01/09/la-peur-d-une-communaute-qui-n-existe-pas_4552804_3232.html).
- Wolton Th. (2006) L’islamisme, ce nouveau totalitarisme // *Le Figaro*. 06.09 (http://www.lefigaro.fr/debats/2006/09/06/01005-20060906ARTFIG90080-1_islamisme_ce_nouveau_totalitarisme.php).

Socio-political Nature of Islamism: New Threats to Russia

Pain E.*

* *Pain Emil* – doctor of sciences (Politology), professor of the Department of State and Municipal Management of the National Research University “Higher School of Economics”, leading staff scientist of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Address: 24/35, bld. 5, Krzhizhanovsky st., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: painea@mail.ru.

Abstract

The essence of Islamism, one of the most important global issues in our time is poorly understood and it is being interpreted differently and quite controversially. It causes discussions concerning the line of Islamism to Islam as a religion on the one hand and to politics on the other hand. In the latter case, it is not clear which type of political currents are associated with this phenomenon. There is less certainty in the matter of what the specific manifestations of this global threat in different regions of the world are. Therefore, in this respect we are most interested in Russia and its regions. This article focuses on existing and probable approaches to the solution of raised issues.

Keywords: Islam, Islamism, jihad, jihadism, totalitarianism, terrorism.

REFERENCES

- Al-Azm S.J. (2010) Orientalism, Occidentalism, and Islamism: Keynote Address to ‘Orientalism and Fundamentalism in Islamic and Judaic Critique: a Conference Honoring Sadik Al-Azm. *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*, no. 1, pp. 6–13.
- Belozеров V. S., Suprunchuk I. P. (2012) *Geografiya terrorizma: polimashtabnyi analiz terroristicheskoi deyatel'nosti* [The Geography of Terrorism: Polyscale Analysis of Terrorist Activities]. Stavropol: Publishing House SKFU.
- Carré O. (1984) *Mystique et politique. Lecture révolutionnaire du Coran par Sayyid Qutb, Frère musulman radical*. Paris: Éd. du Cerf – Presses de la Fondation nationale des sciences politiques, pp. 206–207.
- Cleveland W.L., Bunton M. A. (2009) *A History of the Modern Middle East*. Boulder (Color.): Westview Press.
- Durán Kh. (2000) Muslims and Islamists in America. *L'abbaglio dell'immigrazione*. Rome: Istituto di Formazione per le Scienze Antropologiche, pp. 27–28.
- Eisenstadt S. N. (1984) The Kemalist Regime and Modernization: Some Comparative and Analytical Remarks. *Atatürk and the Modernization of Turkey*. Boulder (Color.): Westview Press, pp. 3–16.
- Fukuyama F. (2015) Fighting the 21st Century Fascists. *Islam Daily*. 05.01. (<http://www.islamdaily.org/en/world-issues/asia-pacific/127.fighting-the-21st-century-fascists.html>).
- Handler M. S., Malcolm X. (1964) Splits with Muhammad. *The New York Times*. March 9.
- Hansen C. (1989) “Are We Doing Theory Ethnocentrically?” A Comparison of Modernization Theory and Kemalism. *Journal of Developing Societies*, no. 2, pp. 175–187.
- Kepel G. (2002) *Jihad: the Trail of Political Islam*. Cambridge: Belknap Press of Harvard Univ. Press.
- Malashenko A. (2015) *My vse zhivem pod vlastiyu stereotipa, chto liubaya religiya – eto pro mir i dobro* [We all have been living at the mercy of the stereotype that every religion is about peace and goodness]. Open Russia (<https://openrussia.org/post/view/1994>).
- Pain E. A. (2013) Islamskaya ekonomika: primer konstruirovaniya traditsyi [Islamic Economics: the Design Traditions’ Example]. *Terra Economicus*, no. 2, pp. 25–31.
- Petraeus D. (2015) Use Al Qaeda Fighters to Beat ISIS. *The Daily Beast* (<http://www.thedailybeast.com/articles/2015/08/31/petraeus-use-al-qaeda-fighters-to-beat-isis.html>).
- Pipes D. (2002) *In the Path of God: Islam and Political Power*. New Jersey: Transaction Books.
- Roy O. (2015) La peur d’une communauté qui n’existe pas. *Le Figaro*. (http://www.lemonde.fr/idees/article/2015/01/09/la-peur-d-une-communaute-qui-n-existe-pas_4552804_3232.html).
- Wolton Th. (2006) L’islamisme, ce nouveau totalitarisme. *Le Figaro* (http://www.lefigaro.fr/debats/2006/09/06/01005-20060906ARTFIG90080-l_islamisme_ce_nouveau_totalitarisme.php).